

УДК 821.161.1

ГРНТИ 17.82.31

DOI 10.35231/25419803_2022_2_8

Л. И. Вигерина

Рассказ А. П. Чехова «Почта»: опыт прочтения

В статье предлагается опыт анализа рассказа А. П. Чехова «Почта» на основе изучения эквивалентностей в нем. Делается вывод о специфике изображения человека и мира, о своеобразии нарратива, авторской позиции, поэтике заглавий в прозе А. П. Чехова. Рассказ «Почта» интерпретируется как чеховское размышление о русском человеке, о коммуникации между людьми.

Ключевые слова: А. П. Чехов, рассказ «Почта», эквивалентности, событийность чеховского рассказа, проблема коммуникации.

Lyudmila I. Vigerina

Short Story "The Post" by Anton P. Chekhov: Reading Experience

The article offers the experience of analyzing a short story "The Post" by of A.P. Chekhov based on study of equivalences in the text. The conclusion is made about the specifics of image of the man and the world, the originality of the narrative, the author's position, and the poetics of titles in Chekhov's prose. "The Post" is interpreted as Chekhov's reflection on the Russian man and communication between people.

Key words: A. P. Chekhov, a short story "The Post", equivalences, the eventfulness of Chekhov's story, the problem of communication.

Рассказ А. П. Чехова «Почта» (1887), открывающий сборник «Хмурые люди», стал для современной писателю критики в некотором роде показателем неблагополучия в русской литературе 1880-х годов, свидетельством ее измельчания. Н. К. Михайловский в статье «Об отцах и детях и г-не Чехове»

(1890) не раз обращается к этому рассказу (в числе других) в качестве иллюстрации бессодержательности чеховской прозы, «случайности» ее сюжетов, мотивов, образов, плохого стиля.

«Выбор тем г-на Чехова, – писал критик, – поражает своей случайностью. <...> Почту везут, по дороге тарантас встряхивает, почтальон вываливается и сердится. Это – рассказ «Почта». Зачем он мне? <...> от «Почты» никому, решительно никому ни тепла, ни радости, хотя именно в этом рассказе бубенчики так мило пересмеиваются с колокольчиками» [3].

С иронией отзывался К. Н. Михайловский об "оригинальных" названиях чеховских рассказов («Почта», «Шампанское», «Спать хочется» и других), отличающих молодого писателя от русских классиков XIX века, названия произведений которых имеют символический характер («Мертвые души», «Дым», «Новь»), отражают философскую, социально-психологическую проблематику произведения («Война и мир», «Преступление и наказание», «Отцы и дети»).

К. Н. Михайловский создал стереотип, утвердившийся на многие десятилетия в русской критике, о равнодушии Чехова-писателя к своим героям, к изображаемому миру: «... г. Чехову все едино – что человек, что его тень, что колокольчик, что самоубийца. <...> Г. Чехов и сам не живет в своих произведениях, а так себе, гуляет мимо жизни и, гуляючи, ухватит то одно, то другое» [3]. Признавая за молодым «беллетристом» талант, К. Н. Михайловский тем не менее считает, что А. П. Чехов «забавляется», «разменивается на мелочи» в «Почте» и «Шампанском» и подобных рассказах. Упрекает критик писателя и в отсутствии идеалов, общей идеи в его произведениях: «Если он решительно не может признать своими общие идеи отцов и дедов, – о чем, однако, следовало бы подумать, – и также не может выработать свою собственную общую идею, – над чем поработать все-таки стоит, – то пусть он будет хоть поэтом тоски по общей идее и мучительного сознания ее необходимости. И в этом случае он проживет не даром и оставит свой след в литературе. А то что хорошего: читатель, подобно Кате, ждет отклик на свои боли, а ему говорят: “Пойдем завтракать!” Или даже еще того хуже; вон быков везут, вон почта едет, колокольчики с бубенчиками пересмеиваются, вон человека задушили, вон шампанское пьют» [3].

Это непонимание Чехова современниками, непонимание своеобразия его поэтики объясняется инерцией восприятия рассказов писателя в парадигме русской литературы критического реализма XIX века. Молодой Чехов пришел в литературу с новой эстетической программой, отличной от про-

граммы писателей, считавших основной функцией искусства воспитание читателя, проповедь идеала, выписывание рецептов жизни. Его понимание литературы, того, «что нужно автору» (Н. М. Карамзин), сформулированы им в его письмах: «Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и – только, и жалею, что бог не дал мне силы, чтобы быть им. <...> Мое святая святых – это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи. В чем бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником» (письмо 4 октября 1888 г. А. Н. Плещеву) [5, XI, с. 251–252].

Отечественное литературоведение давно преодолело то восприятие чеховского творчества, какое было свойственно К. Н. Михайловскому и ряду критиков конца XIX века. Однако стоит отметить, что в статьях критика были указаны черты оригинальной чеховской поэтики: новый подход к выбору героя, сюжета, темы, новые эстетические принципы изображения человека и мира, – только оценены они были негативно как свидетельство отсутствия в молодом поколении общей идеи и упадка литературы, утраты связи с традицией классической русской литературы.

В статье предлагается анализ рассказа А. П. Чехова «Почта» с позиций современного литературоведения.

Плодотворный путь постижения прозы Чехова, основанный на применении приемов структурного анализа текста, на изучении эквивалентностей, предложен в книге В. Шмида «Проза как поэзия» [6]. Ученый продемонстрировал на примере анализа рассказов «Толстый и тонкий», «Спать хочется», «Студент» и других эффективность такого подхода к произведениям Чехова. Категория «эквивалентность» соотносится с понятием параллелизма, используемым Р. Якобсоном, замечает В. Шмид, но не совпадает с ним полностью [6, с. 214]: «Эквивалентность – означает «равноценность», «равнозначность», т.е. равенство по какой-либо ценности, по какому-либо значению» [6, с. 215], то есть равноценность по какому-либо критерию: «тематическому признаку», «формальным признакам, выступающим на различных уровнях нарративной структуры» [6, с. 215]. Ученый особо подчеркивает, что «эквивалентность включает в себя два типа отношений: сходство и оппозицию»: «...сходство и оппозицию можно определить как связки совпадений и несовпадений относительно тех признаков, которые являются в данном контексте актуализированными» [6, с. 215].

В исследуемом рассказе «Почта» образы героев – почтальона и студента – находятся в отношении сходства и оппозиции. В начале рассказа подчеркивается их противоположность друг другу: пожилой – молодой, хмурый – радостный, апатичный – живо интересующийся новым. Почтальон Игнатьев – человек бывалый, 11 лет он каждый день возит почту. На слова студента об Орионе он не отозвался, не пошевелился и не взглянул на небо, после дорожного происшествия у него «плачущий, визжащий от злобы голос», он угрюмо молчит, лицо его «мокро от росы, серо и неподвижно, как у мертвого. На нем застыло выражение тупой, угрюмой злобы, точно почтальон все еще чувствовал боль и продолжал сердиться на ямщика» [4, V, с. 360]. Студент Михайло, напротив, молод, разговорчив, «первый раз в жизни ехал он ночью на почтовой тройке», пережитая встряска для него – «интересное приключение» (ему стало «смешно и весело»). Он воображал, сколько интересных приключений пережил почтальон, и ждал, что тот ему что-нибудь расскажет. Почему почтальон угрюм и озлоблен, а студент радостен и открыт? Только ли в силу возраста? Тема восприятия жизни в юности и в зрелые годы отсылает в контексте рассказа к лирическому отступлению в 6 главе «Мертвых душ» Н. В. Гоголя: «Прежде, давно, в лета моей юности мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту <...> Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на ее пошлую наружность: моему охлажденному взору неприятно, мне не смешно, и то, что пробудило бы в прежние годы живое движение в лице, смех и немощные речи, то скользит теперь мимо и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О моя юность! О моя свежесть!» [1, V, с. 212]. Кажется, что образы почтальона и студента иллюстрируют вышеприведенный гоголевский текст, акцентируют тему молодости и старости как тему рассказа, объясняют причину хмурости почтальона его жизненной усталостью, а радость первого путешествия студента, его живость – молодостью. Однако известно признание Чехова в одном из писем: «... разность между молодостью и старостью весьма относительна и условна» [5, XII, с. 401].

В последующем повествовании противопоставление двух героев снимается. После реплики почтальона: «Как вы любите говорить, ей-богу! Разве не можете молча ехать?» [5, V, с. 361] – меняется настроение студента и его восприятие мира. Он превращается в «хмурого» человека, который «хмуро» смотрит на мир, наделяя своими переживаниями и природу: «Он апатично глядел на природу, ждал солнечного тепла и думал только о том, как, должно быть, жутко и противно бедным деревьям и траве переживать холодные ночи.

Солнце взошло мутное, заспанное и холодное. Верхушки деревьев не золотились от восходящего солнца, как пишут обыкновенно, лучи не ползли по земле, и в полете сонных птиц не заметно было радости» [5, V, с. 361]. Вера в то, что «стоит только взойти солнцу, и холода как не бывало» [5, V, с. 360], разрушается: «Солнце взошло... (но. – Л. В.) Каков был холод ночью, таким он остался и при солнце...» [5, V, с. 361]. Почему так легко и быстро совершается перемена в студенте? В рассказе подчеркнуто, что эта поездка – первая в его жизни, первое столкновение героя с реальностью, которое он не выдерживает: незначительное замечание почтальона оказалось способно изменить мировосприятие молодого человека. Чехов размышляет о нестойкости русского человека в жизни. В начале рассказа в студенте отмечены черты, которые, по всей вероятности, и обусловили столь легкий переход в его душе от оптимизма к пессимистическому настроению: лень («лениво двигались два силуэта: студент с чемоданом в руках и ящик»), нерешительность, робость, чувство вины («Студент нерешительно полез за ним (почтальоном. – Л. В.) и, толкнув его нечаянно локтем, сказал робко и вежливо: «Виноват!» [5, V, с. 357]).

Итак, на определенном этапе повествования обнаруживается тождество разных – поначалу – героев как хмурых людей. Не случайно студент наделен только именем, а почтальон только фамилией (особенно если учитывать то, что ящик, второстепенный, по сравнению с почтальоном и студентом, герой, имеет и имя, и фамилию – Семен Глазов). Это указывает на то, что вместе они образуют цельный образ типично русского человека в его развитии. О таком приеме в чеховском художественном мире, связанном с гоголевской традицией, писал А. В. Кубасов в связи с рассказом «Гусев» [2, с. 262].

Восприятие Чеховым хмурости как типично русской черты отразилось в письмах писателя той поры: «Так, чрезмерная возбудимость, чувство вины, утомляемость – чисто русские. Немцы никогда не возбуждаются... Возбудимость французов держится постоянно на одной и той же высоте» [5, XI, с. 312]; «К утомлению, скуке и чувству вины прибавьте еще одного врага. Это – одиночество» [5, XI, с. 308]. По Чехову, жизнь предъявляет к русскому человеку «свои законные требования», с которыми тот не справляется. «Разочарованность, апатия, нервная рыхлость и утомляемость являются непреходящим следствием чрезмерной возбудимости, а такая возбудимость присуща нашей молодежи в крайней степени» [5, XI, с. 308], – подчеркивает писатель.

Финал рассказа ставит перед читателем вопрос: перемена, произошедшая со студентом, окончательная или ситуативная?

О студенте в конце рассказа сообщается: «До прихода поезда студент стоял у буфета и пил чай...» [5, V, с. 362]. Этим он соотнесен с машинистом и его помощником, которые «пили из грязного жестяного чайника чай». Такая эквивалентность указывает на перспективу возвращения студента к единству с миром, людьми, выход из одиночества, но перспектива только намечена автором, это только одна из возможностей. Тема чаепития вводит в рассказ архетип пира как гармонии людей, причащающихся вместе еде и питью.

Образ почтальона в конце рассказа изображается точно так, как и в начале: «Почтальон, засунувший руки в рукава и по уши ушедший в воротник своего пальто, не пошевелился и не взглянул на небо» [5, V, с. 358], – «засунув руки в рукава, все еще со злобой на лице, одиноко шагал по платформе и глядел себе под ноги» [5, V, с. 362]. Каким он был накануне поездки, в поездке, таким он остался и после. Почтальон – это один из первых образов «футлярных людей» в творчестве Чехова, не способных к развитию, изменению, навсегда застывших в хмурости.

Вопрос, завершающий рассказ: «На кого он (почтальон. – Л. В.) сердился? На людей, на нужду, на осенние ночи?» [5, V, с. 362]), – оставляет открытым его финал. Незавершенность чеховских рассказов, которая рассматривалась современной писателю критикой как недостаток, – принципиальная, обусловленная авторской эстетической программой, отказом от тенденции, морализаторства, связана с авторской задачей «правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется от нормы. Норма мне неизвестна, как неизвестна никому из нас» (письмо А. Н. Плещееву 9 апреля 1889 г.) [5, XI, с. 332].

Чеховские рассказы воспринимались современной писателю критикой как бессюжетные, в литературоведении велись споры о событийности чеховских произведений и ее природе. В связи с рассказом «Почта» также встает вопрос, каково же основное событие в нем, так как, казалось бы, ничего не происходит с героями, кроме их передвижения в пространстве из одного пункта в другой. К. Н. Михайловский, иронизируя над отсутствием сюжета в «Почте», так и пересказал его: «Почту везут, по дороге тарантас встряхивает, почтальон вываливается и сердится. Это – рассказ “Почта”» [3]. Однако событийность чеховских рассказов особого рода, о чем справедливо писал В. Шмид: «...Чехов не изображает ментальных событий, а проблематизирует их. Его интересует не результат события, а его ход, процесс. Его интересуют мотивы, призывающие человека к изменению, к обращению на путь истины, физиологические и психологические факторы, вызывающие ментальное событие, его интересуют внутренние и внешние обстоятельства, мешающие настоящему изменению или окончательно препятствующие ему» [6, с. 266].

Рассказ «Почта» о том, как превращается человек в хмурого, как утрачивает ощущение радости бытия, как физиологическое ощущение холода и угрюмость окружающих сообщаются человеку и делают его апатичным. В то же время апатия и хмурость студента – это не окончательное его мировосприятие, в конце рассказа намечена автором перспектива изменения героя.

Название рассказа «Почта», на первый взгляд, представляется нейтральным, однако при внимательном рассмотрении обнаруживает свой символический потенциал. Почта является средством связи, коммуникации, а в рассказе как раз оказывается невозможной коммуникация героев, возникает непонимание, которое и порождает враждебность почтальона, апатию студента. Проблемы коммуникации в произведениях Чехова – важнейшие, как подчеркивают ученые, они являются «частью “чеховской загадки”» [4, с. 12]. Название рассказа, таким образом, акцентирует проблему общения: трудностей взаимопонимания между людьми, «провала коммуникации», одиночества.

Список литературы

1. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в 7 томах. – М., 1978. – Т. 5. – 541 с.
2. Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: Искусство стилизации. – Екатеринбург, 1998. – 399 с.
3. Михайловский К. Н. Об отцах и детях и о г-не Чехове. [Электронный ресурс]. URL: http://russianway.rhga.ru/upload/main/05_Mikhailovsky.pdf (дата обращения: 10.06.2022).
4. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 400 с. (Studia philologica).
5. Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 томах. – М.: Художественная литература, 1960–1964.
6. Шмид В. Проза как поэзия. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – 352 с.

References

1. Gogol', N. V. *Sobranie sochinenij v 7 tomah* [Collected works in 7 volumes]. Moscow, 1978. T. 5. 541 p. (In Russian).
2. Kubasov, A. V. *Proza A. P. Chekhova: Iskusstvo stilizacii* [A. P. Chekhov's Prose: The Art of Stylization]. Ekaterinburg, 1998. 399 p. (In Russian).
3. Mihajlovskij, K. N. *Ob otcah i detyah i o g-ne Chekhove* [About fathers and children and about Mr. Chekhov] [Elektronnyj resurs]. URL: http://russianway.rhga.ru/upload/main/05_Mikhailovsky.pdf (data obrashcheniya: 10.06.2022). (In Russian).
4. Stepanov, A. D. *Problemy kommunikacii u Chekhova* [Problems of communication in Chekhov's prose]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2005. 400 p. (Studia philologica). (In Russian).
5. Chekhov, A. P. *Sobranie sochinenij v 12 tomah* [Collected works in 12 volumes]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ., 1960–1964. (In Russian).
6. SHmid, V. *Proza kak poeziya* [Prose as poetry]. St. Petersburg: INAPRESS Publ., 1998. 352 p. (In Russian).